

**РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ КРАСНОГО ЦВЕТА В «ХОЖДЕНИИ
СТЕФАНА НОВГОРОДЦА В ЦАРЬГРАД»
THE REALIZATION OF SEMANTICS OF RED COLOR IN «THE
WALKING STEPHAN NOVGORODTS TO TSARGRAD»**

Аннотация: Статья посвящена изучению способов реализации семантики красного цвета на материале памятника русской письменности, «Хождение Стефана Новгородца в Царьград». Рассмотрение проблемы осуществляется в рамках культурно-антропологического подхода с помощью историко-генетического, семиотического методов, а также сущностно-содержательного анализа. Вывод исследования содержит ряд обоснованных предположений о причинах изменения семантической структуры корневой системы с вершиной крас- в связи с изменениями в языковой картине мира восточных славян.

Ключевые слова: Хождение Стефана Новгородца; семантика; красный цвет; Средневековая Русь.

Abstract: The article is devoted to the study of ways to implement the semantics of red color on the material of the monument of Russian writing, «The Walking of Stephen Novgorodts to Tsargrad». The problem is considered in the framework of a cultural-anthropological approach using historical-genetic, semiotic methods, as well as value-content analysis. The conclusion of the study contains a number of reasonable assumptions about the causes of changes in the semantic structure of the root system with the vertex крас- in connection to changes in the language picture of the world of the Eastern Slavs.

Keywords: The Walking of Stephen Novgorodts; semantics; red color; Medieval Russia.

Связи Руси и Византии всегда были в достаточной степени близкими, причем в совершенно разных проявлениях общественной жизни. До X века это было обусловлено вооруженными конфликтами между этими державами, а после X века – уже тем, что Русь, крестившись, влилась в мировую христианскую культуру. Особенности географического положения также способствовали сближению двух держав и их культур посредством развитой торговли на Черном море, на пути «из варяг в греки». Важно отметить, что культурное влияние Византийской империи было не всегда прямым [1, с. 23]. В большей степени особую роль для Средневековой Руси играла устоявшаяся в веках христианская культура Болгарского Царства, которая образовалась под сильным влиянием

греческой культуры. Однако в данном исследовании мы сделаем акцент на моментах наиболее тесного соприкосновения именно с византийской культурой.

Таким моментом можно считать временной отрезок с 1343 года по 1400 год. Разумеется, это лишь один из периодов, когда связи двух держав усиливались, поскольку в это время увеличилось количество паломников в Константинополь и Иерусалим [4, с. 372], несмотря на социальные потрясения, которые испытали оба города. Из всех памятников письменности, относящихся к жанру хождения, мы обращаем внимание на «Хождение Стефана Новгородца в Царьград», хотя опять отметим, что требуется подробное исследование всех памятников данного жанра. Также необходимо и рассмотрение летописей, написанных в указанные временные рамки. Причина обращения связана с тем, что теоретически в данном памятнике осуществляется первое использование слова красный в значении красного цвета. Мы понимаем, что все известные списки «Хождения» не идут вглубь веков, а датируются XVI веком, тем не менее, ряд деталей дает возможность предполагать причины такого употребления, хотя они и не исключают возможности использования слова в цветовом значении ранее, то есть в XIV веке. Акцент на данном явлении не лишен причин: ранее учеными точно была восстановлена этимология для корневой системы с вершиной крас-, однако пока не предпринимались попытки определить причины семантического расщепления в промежутке с XIV по XVI век.

«Хождение Стефана Новгородца в Царьград» как памятник письменности интересно еще одним обстоятельством: предполагаемым автором (в данном случае мы под автором понимаем того, кто совершил путешествие в Константинополь). Это, на наш взгляд, важно, поскольку отнесение автора к тому или иному сословию, позволило бы говорить и об источнике влияния на семантическую структуру исследуемой корневой системы. Так, например, И. П. Сахаров предположил, что Стефан был пожилым иноком, однако позже М. Н. Сперанский выдвинул более убедительную версию о том, что Стефан являлся скорее всего мирянином, хорошо знакомым с духовной литературой и, что немало важно, вероятно имел определенный вес в обществе, поскольку был с товарищами замечен патриархом Константинополя Исидором [7, с. 46]. К слову, именно этот факт позволил примерно датировать путешествие 1389 или 1349 годом. Итак, мы предполагаем, что скорее всего Стефан из Новгорода был либо знатным боярином, либо купцом, поэтому, как пишет Е. И. Малето, есть вероятность, что Стефан выполнял церковно-политическую миссию, которая была связана с борьбой Новгорода против притязаний Московской митрополии за сохранение своего прежнего независимого положения [5, с. 117]. Подобное отнесение Стефана к указанным сословиям опять же важно и для понимания языковой картины мира, изменения в которой, как нам кажется, и повлияли на семантическую структуру исследуемой корневой системы.

Итак, перейдем к способам реализации семантики красного цвета в исследуемом памятнике письменности. Мы разделяем способы такой реализации на два типа: собственно использование слов с цветовым значением и реализация через связь слова с денотатом, то есть красный цвет присущ предмету реальности.

Перед тем как перейти к первой группе, отметим случаи, которые вызывают сомнения, или значения слов корнем крас- сохраняют свое изначальное лексическое значение «красота / красивый и т. д.». Например, во фрагменте, «...столп вельми красен, есть прочернь и проѣл(ь)» [8, с. 440], использованном П. Я. Черных в статье для словаря, ученый предположил использование слова *красень* в цветовом значении. Однако на наш взгляд, это маловероятно, поскольку если предположить, что в данном примере есть цветовое значение, то получится примерно так: «...столб очень красный, с примесью черного и белого», что довольно сомнительно, поэтому здесь речь идет об исконном значении корня. Сюда же отнесем пример из фразы: «...икона же та велика вельми, окована гораздо, и пѣвци пред нею поють красно», где также сохраняется исконное значение.

К данной группе не относятся словоформы *красень*, входящие в словосочетания *вельми красень*, поскольку на основе рассмотрения других и конкретно этого памятника мы предполагаем, что данный тип словосочетаний стремится к застыванию формы и значения. Соответственно, употребления в следующих фрагментах цветовой семантики не несут: «...и ту стоять стльпове от камени багряна, красни вельми, проперсти, аспиду подобни» [7, с. 53], «кольца желѣзны вбиваны въ мраморъ (бо зовется камень гладок и красен вельми)», «въ монастырь внити: вельми красень [Спас]» [7, с. 56].

Теперь перейдем к собственно реализации семантики красного цвета. В первую очередь она осуществляется за счет словоформ, образованных от слова *багрянъ*. Так, например, встречаем «...и ту стоять стльпове от камени багряна, красни вельми, проперсти, аспиду подобни» [7, с. 53] и «...ту стоит гробъ царя Константина, велик, от камени багряна, аки аспиду подобна: инѣхъ же много гробовъ царьских, но не святи...» [7, с. 58]. Отметим, что в данных двух случаях актуализируется и другая семантика, связанная с символическим аспектом, обусловленным развитием оценочности цветолексем – *багрянный* цвет, как и *красный*, в языческой и христианской картине мира – это цвет жизни, силы, энергии [2, с. 1477]. То есть сама цветовая номинация культурных предметов обусловлена их соотносительностью с сакральным или, по крайней мере, с оценочностью в языковой картине мира. Подобная ситуация наблюдается и во фрагменте: «...ту стоит столпъ правовѣрнаго царя Константина от багряна камени, от Рима привезень. На врѣх его крестъ, в том же столпѣ 12 коша укрух...», однако здесь подчеркнута еще и связь с символикой плодородия.

Выше мы говорили, что предполагаем в данном памятнике письменности первый случай использования корня *крас-* в цветовом значении. Приведем фрагмент из текста «Хождения...»: «...и ту стоять столпове от камени красного мрамора оковани чудно, в них же лежать мощи святых». На первый взгляд здесь в большей степени напрашивается нецветовое значение, однако мы предполагаем, что здесь происходит стирание оценочности семантики, то есть уход на второй план символической осмысленности явления, который остается в контексте и связан с мощами святых, которые находятся в основании колонны. Это позволяет предполагать некоторое сохранение сакральной семантики,

поскольку, согласно христианскому вероучению, мощи святых имеют чудодейственные свойства, которые способны вылечить недуг.

В этой части мы бы хотели вновь обратиться вопросу о сословной отнесенности Стефана, поскольку мы предполагаем, что на стирание оценочности семантики повлияла социальная среда, в которой функционировала исследуемая лексика. То есть акцентологическое смещение в купеческой, или, если говорить в общем, в демократической, социальной среде, привело к тому, что символическая сторона деформировалась. Поэтому, хотя относительно исследуемого в данной статье памятника первые свидетельства – поздние, использования форм слова *красный* в цветовом значении связаны с характеристикой товара. Это мы обнаруживаем в деловой литературе, согласно Е. М. Иссерлин, в Торговых книгах XVI века: «...купил... три кожи красных; привезли красного товару 8 юфтеи; два боранца да две телятины красных; квасцы белые и красные» [3, с. 86]. Также в Новгородских кабальных книгах можно встретить подобное использование с цветовой семантикой, но уже по отношению к человеку: «волосомь черень, очи красносеры» [6, с. 2].

Теперь вернемся к тексту «Хождения Стефана...» и обратимся ко второму типу реализации семантики красного цвета. Как мы говорили выше, этот тип характеризуется тесной связью слова с денотатом. Во всем тексте нами было обнаружено три подобных явления. Приведем примеры со словом *кровь*: «Ту же близ икона в киотѣ святы Спасѣ, в ню же ножем удари невѣрный и поиде от иконы кровь. Тоже и до нынѣ кровь та знати, и цѣловахом, грѣшнии...» [7, с. 57], и еще: «Ту близ монастырь женски, и ту глава святаго Пантелѣймона, ту же и кровь его...» [7, с. 59]. Здесь опять помимо реализации семантики красного цвета происходит и развертывание попутной ей сакральной семантики, которая обусловлена христианской моделью культуры. Кровь не только выступает вместилищем жизни человека, как это было характерно с точки зрения языческой картины мира, но и средством искупления и спасения человечества, то есть кровью распятого Христа. Иначе говоря, красный цвет – цвет Спасения.

В следующем фрагменте: «Ту же стоит въ олтари сосуд от бѣла камени, в нем же Исус от воды вино сътвори – велми чюдно...» [7, с. 58] – демонстрируется символический параллелизм. Вино – это аллегория крови Христовой, поэтому воплощая семантику красного цвета, оно вбирает в себя присущие крови коннотации.

Итак, рассмотрев все примеры реализации семантики красного цвета, мы смогли указать два возможных типа воплощения данной семантики в исследуемом «Хождении Стефана Новгородца в Царьград». Это позволило сделать предположения о возможных причинах изменения семантической структуры корневой системы с вершиной крас-, связав их с изменениями в ценностной системе языковой картины мира демократических сословий. Однако заметим, что, при этом динамика, которая сопровождала изменения в семантической структуре корневой системы, была незначительна, поскольку частотность использования оставалась невелика по сравнению с традиционными словами с цветовым значением, такими, как червонный, червлень, рудый. Причиной, мы предполагаем, может быть культурообразующая роль церковнославянского

языка в Средневековой Руси для привилегированных сословий и традиционалистский характер народной культуры.

Библиографический список

1. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII вв. / В. В. Бычков. – М. : Мысль, 1995. – 637 с.
2. Григорьева, Э. И. Анализ развития цветовой символики в христианской культуре / Э. И. Григорьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2 (6). – С. 1476–1481.
3. Иссерлин, Е. М. История слова красный / Е. М. Иссерлин // Русский язык в школе. – 1951. – № 3. – С. 85–89.
4. Маджеска, Дж. Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы / Дж. Маджеска // Из истории русской культуры. Т. II ; Кн. 1 : Киевская и Московская Русь ; сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 944 с.
5. Малето, Е. И. Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. / Е. И. Малето. – М. : Центрполиграф, 2018. – 223 с.
6. Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов: (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / под ред. проф. А. Я. Яковлева. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 476 с.
7. Сперанский, М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века / М. Н. Сперанский. – Л. : Изд-во АН СССР, 1934. – 140 с.
8. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1994. – 623 с.